

Стоя у дверей Императорского кабинета, евнух Юань Бао за это короткое время успел пережить целую бурю чувств. Его сердце то замирало от страха, то пускалось вскачь от любопытства.

Сначала им овладело чистое недоумение: что же такого мог сказать опытный, искушённый в дворцовых делах лекарь Чжоу, чтобы довести владыку до белого каления? Но вслед за любопытством пришёл липкий страх. Юань Бао невольно сжался, опасаясь, как бы разгневанный государь не приказал вышвырнуть лекаря вон и скормить псам — благо, крутой и непредсказуемый нрав монарха давал для таких опасений все основания. Подобное во дворце случалось и прежде.

Однако теперь, услышав очередное повеление императора, евнух мысленно высказал лекарю Чжоу глубочайшее уважение. Тот умудрился пройти по самому краю бездны и уцелеть.

Уже много лет никто во дворце не осмеливался произносить имя третьего принца, Цзи Ло, в присутствии императора. Даже когда юноше исполнилось шестнадцать и пришло время покинуть стены внутреннего города, государь лишь мельком взглянул на карту столицы, принесённую чиновниками из Министерства строительных работ, и небрежно ткнул пальцем в самый глухой угол. Позже он пожаловал сыну скромный титул уездного князя Юя, сухо бросив, что у того нет перед престолом никаких заслуг.

А ведь второму принцу, Цзи Жуну, у которого заслуг было ничуть не больше, при переезде без лишних разговоров даровали высокий титул Одобрённого князя.

Лекарь Чжоу стал первым, кому удалось столь ловко напомнить государю о существовании нелюбимого сына. И за одну только эту неслыханную дерзость Юань Бао готов был им искренне восхищаться.

Оставим пока в стороне крайнее замешательство и сложную гамму чувств, отразившихся на лицах третьего принца Цзи Ло и пятого принца Цзи Хуая, когда им зачитали высочайший указ. В самом же Императорском кабинете правитель Великой Чжоу сейчас сгорал от непривычного любопытства.

Сменив гнев на милость, император мягко велел лекарю Чжоу подняться с колен и небрежным жестом бросил ему расшитый золотом шёлковый платок, чтобы тот вытер пот и привёл себя в порядок.

Лекарь поспешно склонил голову в знак благодарности. Смахнув холодную испарину с лица, он благоговейно сложил драгоценную ткань и бережно спрятал её в широкий рукав своего халата, после чего замер в почтительной позе, смиренно опустив глаза.

Императора позабавила эта безмолвная, но столь выразительная лесть. Усмехнувшись, он

указал на стул, предлагая сесть, а затем с лукавым прищуром произнёс:

— Через месяц празднуем юбилей Вдовствующей императрицы. Ты уж приложи все усилия, чтобы поставить этого наследника Хань на ноги. К торжеству мне нужен живой человек, а не полутруп.

Лицо лекаря Чжоу тут же слегка вытянулось от нахлынувшей заботы. Он низко поклонился:

— Ничтожный слуга сделает всё, что в его силах.

Император лишь безучастно уронил короткое согласие и прикрыл глаза. Его острый взгляд потух, уступив место глубокой задумчивости. Воспользовавшись моментом, лекарь Чжоу осторожно приблизился и приложил пальцы к запястью владыки, проверяя его пульс.

Пульс государя оказался ровным и сильным, никаких скрытых недугов не обнаружилось, что позволило лекарю вздохнуть с облегчением.

Прошло немало времени, прежде чем под высокими сводами кабинета раздался тихий, пробирающий до костей голос императора:

— Цзюньжань покончил с собой и покинул меня много лет назад... Ты первый, кто посмел упомянуть его имя. Каковы бы ни были твои помыслы, помни: другого раза не будет.

Цзюньжань было вторым именем Ван Ина.

Лекарь Чжоу впервые узнал истинную причину безвременной кончины Императорского благородного супруга. От этого откровения его сердце ушло в пятки, а по спине пробежал ледяной пот. Он поспешно склонился, заверяя владыку в своей преданности.

Едва покинув порог Императорского кабинета, лекарь Чжоу шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь в коленях и восстановить душевное равновесие.

На следующий день в поместье герцога Хань воцарилась гнетущая тишина. Слуги передвигались на цыпочках, боясь издать малейший шорох.

В покоях старой госпожи Хань собрались все женщины семьи: её дочь Хан Сю и невестка из третьей ветви, госпожа Лю, которой по идее следовало переписывать сутры в буддийском молельном зале. Все они растерянно переглядывались, не смея нарушить молчание.

Старая госпожа Хань восседала на почётном месте с закрытыми глазами. Вскоре в комнату скользнула молоденькая служанка. Заметив, что та собирается склониться в приветствии, хозяйка дома нетерпеливо взмахнула рукой, прерывая церемонию, и спросила:

— Как дела у... наследника? Ему всего хватает? Как себя чувствуют наши высокие гости, принцы?

Внешне её голос звучал ровно и спокойно, но судорожно стиснутые пальцы, впившиеся в шёлк платья, выдавали её крайнюю тревогу.

Служанка не отличалась особой красотой, зато соображала на редкость быстро. Прекрасно понимая, какие вести сейчас нужнее всего хозяйке, она бойко доложила:

— У Наследника всё спокойно. Высокие гости, едва поприветствовав господина, сразу же направились в дворик Душистых Орхидей. Господин и второй господин хотели было их сопровождать, однако третий принц лично остановил их. Он изволил сказать, что они прибыли по воле императора, дабы навестить кузена по-родственному, так что незачем утруждать старших лишними церемониями. С тех пор во дворике всё тихо.

Эти слова заставили собравшихся встревожиться ещё сильнее. Госпожа Чжан из второй ветви, женщина вздорная и нетерпеливая, подалась вперед:

— Матушка, ну к чему всё это? Зачем государю отправлять сюда и третьего, и пятого принцев разом? Да ещё этот несносный мальчишка, сын старшего брата... Характер у него — чистый яд! Мы ведь предлагали ему перебраться в покои получше, так нет же, упёрся — ни в какую! Сразу видно, умысел имел. Решил перед третьим принцем бедным сироткой прикинуться, чтобы тот потом перед императором нас грязью облил!

Госпожа Чжан уже видела себя будущей тёщей пятого принца Цзи Хуая, а потому на обделённого милостью третьего принца смотрела свысока. Её капризный, полный желчи тон вывел старую госпожу Хань из себя. На лбу старухи вздулась синяя вена.

— Замолчи! — прикрикнула она на невестку. — Кто ты такая, чтобы обсуждать поступки членов императорской семьи? Глупая баба, язык без костей!

Обиженно поджав губы, госпожа Чжан притихла. Старая госпожа устало потёрла виски, обводя взглядом притихших домочадцев. На душе у неё тоже скребли кошки.

Вчерашнее известие, полученное от пятого принца, повергло всё поместье в шок. Со смерти госпожи Ван пути третьего принца и дома Хань ни разу не пересекались. К тому же император никогда не скрывал своего пренебрежения к Цзи Ло, порой даже прилюдно выговаривая ему за малейшие промахи.

И вдруг государь лично отправляет двоих сыновей навестить больного юношу. Да, формально этот полуживой юнец — наследник герцогского титула, будущий глава клана, а оба принца приходится ему кузенами. Но всё равно в этом решении крылось нечто донельзя странное.

Случайная ли это прихоть правителя или тонкий политический расчёт? И главное: с каких это пор калека Хан Сиэнь удостоился столь пристального императорского внимания?

Хан Сю, которая совсем недавно имела глупость повздорить с племянником, хмурилась сильнее прочих. Но делиться своими тревогами она не спешила. Справившись с эмоциями, она мягко обратилась к матери:

— Матушка, как бы там ни было, вы — титулованная госпожа первого ранга и родная бабушка пятого принца. Рано или поздно оба гостя придут выразить вам почтение. Вот тогда мы всё и выясним.

Старая госпожа Хань согласно кивнула. Действительно, ничего другого им пока не оставалось.

Пока в главном доме кипели страсти и строились догадки, во дворике Душистых Орхидей царил абсолютное безмятежие.

Хан Сизнь полулежал в плетёном кресле, неторопливо потягивая чай. Третий принц, Цзи Ло, молча сидел напротив, выказывая редкое терпение. И лишь пятый принц, Цзи Хуай, бледный и осунувшийся, не притронулся ни к вину, ни к угощениям. Он то и дело бросал на кузена испуганные взгляды, чувствуя себя крайне неудобно.

<http://bllate.org/book/20088/2001976>